

Qasym

Республикалық әдеби-қоғамдық журнал

№4 (42)
2018

РУХАНИ
ЖАҢҒЫРУ

Рухани жаңғыру · Сағымбай ЖҰМАҒҰЛОВ ·
Астана - 20 · Ерлан ЖҮНІС · Мәдени мұра ·
Ақселеу СЕЙДІМБЕК · Поэзия · Жүкел ХАМАЙ ·
Әдебиеттану · Марат АЗБАНБАЕВ · Эссе ·
Марал ЫСҚАҚБАЙ · Жас қалам · Әсел КӘРІБАЙ

Қасым

Ей, төкеліңер дүние,

Маған да бір қараңшы!

Әдебиеттану

**Марат
АЗБАНБАЕВ**

**ПУТЬ АБАЯ
И
ДРЕВНЕЕ ПРАВО**

*(Комментарий читателя
к роману-эпопее)*

Жалгасы. Басы өткен санда

Дорогой, друг

Мы благодарны Вам за то, что вы намерены остаться с нами и продолжить совместное чтение романа писателя М.О.Ауэзова «Абай жолы» на двух языках – на языке оригинала и в переводе на русский язык.

Путь Абая
Глава первая
Возвращение

Знал ли писатель М.Ауэзов о первоначальном значении слова «бала» как государственно-правового термина, зафиксированного с начала письменности у шумеров и используемого в те времена в процессе передачи власти, нам неизвестно. Писатель, как мы уже об этом говорили, вводит своего героя в повествование как бы инкогнито, обозначая его «бала шәкірт», не называя имени. И лишь после разыгранной «бала шәкірт» сцены нападения «дорожных разбойников», заставших врасплох двух других путников, автор впервые произносит имя «бала-шәкірт» – Абай.

Нападение «разбойников» для взрослых товарищей Абая оказалось неожиданным, и они, оторопев от внезапности произошедшего, действительно поверили в розыгрыш подростка. Эта игра в «разбойников» была великолепно симпровизировано юношей Абаем, со знанием дела и местности. Взрослые Байтас и Жұмабай, желая удержать подростка от скачки в одиночку, запугивали его грабителями, избравшими якобы своим логовом ущелье Есембай. Но они не смогли испугать его – ведь он жил здесь, эти места были стоянкой его рода, родного аула. Вершины Караула, ущелья Есембай-Найзатас были исконными поселениями рода Кунанбая. Его аулы каждый год весной и осенью поселялись здесь надолго, порою и на все лето оставались. Все эти места так были ему знакомы и близки. Он здесь скакал на стригунке, играл в бабки, бегал со сверстниками на перегонки. Даже прошлой осенью, отправляясь в город на учебу, он уезжал именно с этого места: (Есембай) «Тігіті, былтыр боқырауда, күзем үстінде, қалаға оқуға кеткенде дәл осы қоныстан. Есембайдан кеткен болатын».

Писатель указывает точное время отъезда подростка на учебу – прошлая осень, точнее начало осенней поры. «Боқырау» – это время наступления первых холодов, выпадения снега, покрывающих степь легкой белой пеленой. «Күзем» – период осенней стрижки овец. Таким образом, «былтыр боқырауда» означает начало прошлой осени, период осенней стрижки овец. Эти слова характеризуют время, переходный период лета в осень. Холодная осень еще не настала, люди спешат подстричь овец. «Боқырау» – сезон, когда вступает в силу период активной хозяйственной деятельности степняков.

В переводе А. Никольской, Т.Нуртазина и Л.Соболева к термину «боқырау» в сноске дано следующее разъяснение: «Бохрау – так казахи называли русский праздник Пасхи», что по сути неверно. Возможно, переводчики исходили из созвучия слов «боқырау» и «шөкров», последний в одном из значений связан с названием

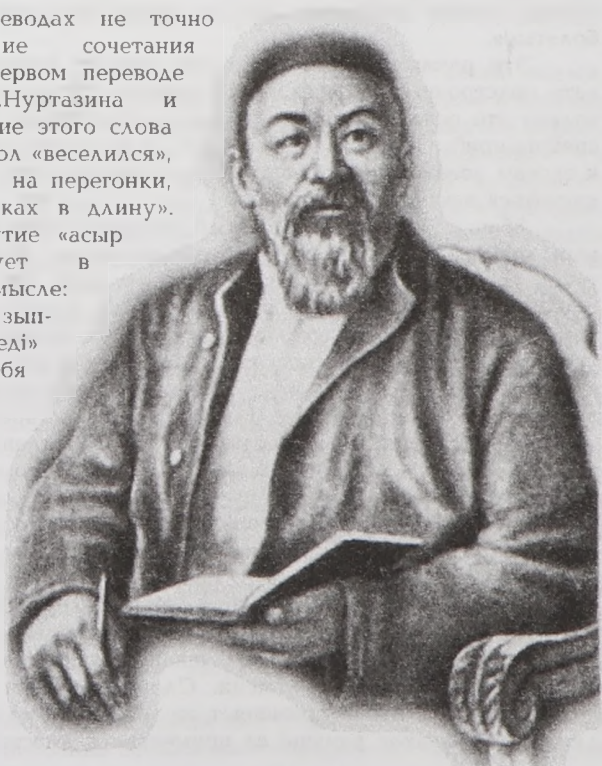
церковного праздника, введенного в XII веке православной церковью. В данном случае переводчики произвольно изменяют значение понятия «боқырау», тогда как автор четко и однозначно растолковал значение этого слова. В 1858 году казахи не могли употреблять название церковного праздника «покров» для обозначения природного явления «боқырау», для этого не было необходимых исторических условий.

На тот момент единственная православная церковь существовала в г.Семипалатинске, переселенцев с России в тот период еще не было, духовники существовали только в войсковых частях. И толковый словарь казахского языка слово «боқырау» подает в том же значении, в котором употребил его М.Ауэзов. Поэтому, упомянутый вариант перевода данного понятия представляется нам спорным. Неточность в примечании можно было избежать, если переводчики приняли бы во внимание и другие значения слова *покров*, например, «защита». Казахи воспринимали первый снег осенней поры как покров, защищающий землю от наступающих холодов. Возможно, казахское слово «боқырау» звучало как «боз қырау» – серебристый иней. В переводе же Анатолия Кима термин «боқырау» совершенно выпал, и время отъезда не было обозначено: «И по этому пути через Есембаевские становища год назад увозили его в город на учебу в медресе».

Также в описании воспоминаний

Абая в двух переводах не точно передано значение сочетания «асыр салған». В первом переводе (А.Никольской, Т.Нуртазина и Л.Соболева) значение этого слова передано через глагол «веселился», во втором – «бегал на перегонки, состязался в прыжках в длину». Однако автор понятие «асыр салған» использует в поэтическом смысле: «еркінсіді, бұзып-жарды, билеп төстеді» (чувствовать себя вольно, свободно).

Неточным представляется и перевод слов «тайға шапқан» как «скакал на жеребцах в ночное», «устроив а скачки на жеребятках-однолетках», в оригинале: «Тіпті, былтыр

боқырауда, күзем үстінде, қалаға оқуға кеткенде дәл осы қоныстан, Есембайдан кеткен болатын. Сонда тайға шапқан, асық ойнаған құрбы балаларымен жаяу жарыс жасап, асыр салған ең соңғы бір ыстық қоныс осы болатын.»

В русском языке имеется слово, передающее значение казахского слова *тай* – стригун, стригунок. В степи ранее было принято устраивать для подростков скачки на стригунках, и эти состязания назывались *тай жарыс*. Абай вспоминает именно эти скачки своих ровесников на стригунках, а не «ночной» выпас лошадей.

Мы вели речь об ушелье Есембай, где, по сказанию стариков, раньше обитали грабители, воры, конокрады. Послушаем рассуждения подростка Абая о них: «Бірақ қаладан, жабырқау медреседен жана құтылып, енді үйіне, ауылға жетуге асыққан бала шәкірт ол сөздерді тыңдайын деп ойысқан жоқ.

Үлкендер қорыққан Есембай да, тіпті ұрылар да Абайға сондайлық жат, суық боп көріне алмады. Ұры десе, осы елдің өздеріндегі қазақтары. Көп болса, киімдері, ер-тұрманы ғана жаман, қолдарында сойылдары ғана бар. Ондай ұрылар жайында Абайдың естіген әңгімелері соншалық көп.

Кейде, тіпті сарытоқым ұры болған – ел ішіндегі үлкендердің өз аузынан естіген әңгімелері де ұмытылмайтын. Қайта бір кездесіп, дәл жауға шапқан пішіндерін көрсем деген іпте жүрген ынтықтығы да болатын».

Эти размышления Абая очень важны, поэтому мы стараемся дать подстрочный перевод, приближенный к оригиналу: «Бала шәкірт только что освободившийся из города и мрачных стен медресе теперь спешил прибыть скорей домой, в аул и не был склонен прислушиваться к словам увещевания старших, удерживающих его от намерения вновь пуститься вскачь.

Абаю то же ушелье Есембай, которого пугались взрослые, те же воры не казались настолько чужими, жуткими. «Воры» говорят, но они такие же как казахи этого края, как они сами. Ну, в крайнем случае, они отличаются одеждой, конская упряжь плохая. В руках дубины – сойылы. Он насылан столько много о таких ворах. Порой, рассказы, услышанные из уст старожиллов аула, бывших профессиональных конокрадов, не забывались. Даже у него внутри было желание лицезреть тот миг, когда те будут нападать на врагов».

В рассматриваемых переводах упущено главное – Абай слушал много рассказов о таких ворах, порой, даже вспоминались ему беседы бывших воров-конокрадов из родного рода, аула. Незабываемые сказания бывалых, пофессионалов – «сарытоқым ұры болған» – настолько сильно воздействовали на воображение Абая, что он даже мечтал лично увидеть сцену разбоя.

В предложении «Кейде, тіпті сарытоқым ұры болған – ел ішіндегі үлкендердің өз аузынан естіген әңгімелері де ұмытылмайтын» ключевым словом является сочетание *ел ішіндегі үлкендер*, то есть старшие, выходцы из его рода, племени. Слово *ел* имеет много значений, в данном эпизоде автор применяет его в смысле «в среде парода, среди людей». У казахов раньше *ел* применялось вместе словом *күн* – *ел* –

күн. Сравним, в древнеанглийском языке *ealh* – храм.

«Бала шәкірт» был из числа внимательных слушателей. Слушал и слышал. Внимал и впитывал. Вел запись в памяти. Рассказ старых конокралов рисовал перед ним красочную картину разбоя. Из этих легенд у него и сложился тот незабываемый образ разбоя, который он и воспроизвел впервые в пути, разыграв в степных условиях, говоря современным языком, обстановку, приближенную к реальным боевым действиям. Абай слушал не очевидцев, не стариков, а людей, которые в молодости сами занимались разбоем. При переводе этого абзаца важно было уяснить значение термина «сарытоқым ұры» – ылғи ат үстінде жүретін, жүрісі суыт, әккі, қу ұры». *Сарытоқым ұры* означает «вор, все время находящийся на коне, умелый наездник, скорый, бывалый, хитрый вор». Это профессиональный конокрад, знаток своего дела. На основе повести аульных конокралов Абай и создал самостоятельно первую драму, где выступил одновременно автором, режиссером-постановщиком, актером, сыгравшим главную роль – роль *сарытоқым ұры*.

В переводе А.Кима термин *сарытоқым ұры* из-за непонимания значения казахского слова привратился в «желтую попону»: «Правда, отличие разбойников от прочих было в том, что ради куража и утращения они мегили своих лошадей желтыми попонами, набрасывая их поверх седел. Так и называли в народе их – «те, что на желтых попонах».

Неверно истолковано переводчиком и значение слова *тоқым*. Оно значит «аттың арқасына ер батпау үшін екі қабат киізден ыңғайлап пішіп, сыртыш мата немесе былгарымен қаптап, кейде өрнектеп сырып, айнала шетін көмкеріп жасайтын ер-тұрман жабдығының бірі». То есть, это специальный предмет, предохраняющий спину лошади от трения седлом при езде верхом. *Тоқым* кроили из войлока в два слоя, затем войлок обшивали материалом или кожей, иногда его покрывали узорами, бахромой. *Тоқым* кладут на спину лошади под седло, чтобы седло не сбивало спину коня. У казахов существует правило-название, точно передающее функциональное значение *тоқым*: «Атқа тисе, алтын ерлі отқа жақ.» То есть, следует сжечь даже золотое седло, если оно сбивает спину лошади. Поверх седел *тоқым* не набрасывалось. Это не одяние лошадей, не попоны, использующиеся при рыцарских турнирах либо на запасных царских лошадях.

О предназначении попои можно прочесть у Л.Толстого в романе «Война и мир» в части третьей в главе XV: «По дороге из Працена ...скакали два императора Александр и Франц со свитой... В свите императоров были отобранные молодцы-ординары, русские и австрийские, гвардейских и армейских полков. Между ними велись берейторами в расшитых попонах красивые запасные царские лошади».

Тоқым имеет специальное чисто прагматическое назначение – защита лошади от трения седла, сделанного из дерева, имеющий определенный вес, для смягчения твердости и тяжести седла и веса всадника.

Слово *сары* обычно применяется для усиления признака того или иного предмета. В отношении слова *тоқым* определение *сары* применено

в качестве показателя важности этого изделия для лошади, всадника. Отсюда и происходит термин *сарытоқым ұры* – лицо, профессионально занимающееся конокрадством. В переводе А.Кима *сарытоқым ұры* представлен как барымтачи (барымташы), что не соответствует действительности. Два этих термина обозначают совершенно разные правовые понятия.

Сарытоқым ұры – закононелый вор, основным промыслом которого является похищение лошадей, он этим промышляет, живет. Такой человек безвозмездно присваивает чужое добро, похититель. Конокрад по степному праву подлежит привлечению к уголовной ответственности, за это предусмотрено тяжкое наказание.

Барымта отличается своей правовой легитимностью, своеобразной дозволенностью по закону. К барымте прибегали истцы, когда ответчики не исполняли решение суда биев и не возмещали ущерб, присужденный им по суду.

Это своего рода принудительное исполнение судебного решения силами истца, функция современных частных судебных исполнителей. При барымте позволялось угонять скот в том количестве, которое обеспечивало возмещение взысканного ущерба. Угон в малом количестве – двух-трех лошадей – приравнивалось к воровству.

В барымте принимали участие все взрослые рода истца, это считалось общим правом делом во благо рода, при этом запрещалось причинение увечья, которое могло быть наказано штрафом.

Сарытоқым ұры – вор, профессионально занимающийся хищением скота ради своей наживы или в незаконных интересах другого лица, он мог и убить.

В переводе А.Кима в качестве *сарытоқым ұры* указаны казахи из соседних родов, что противоречит оригиналу. По Ауэзову, молодой Абай слушал истории *сарытоқым ұры* – выходцев из своего рода, аула.

И в переводе А.Никольской, Т.Нуртазина и Л.Соболева дано неточное описание: «Абаю не раз приходилось видеть таких людей, он помнит и рассказы стариков о них». Стариками, рассказы которых слушал Абай, были те воры-конокрады, выходцы из его рода-племени, из их среды и окружения. *Ел ішіндегі* – это люди своей общины.

Основной правовой единицей в те времена были двор, дом, сообщество, товарищество. Как утверждают правоведы, община была естественным продолжением стаи. Эту традицию можно проследить и в сказании «Песнь о Нибелунгах» где имеется слово «Ellende» в значении «гость, изгнанник, странник»: ell + ende. Сравним с казахским языком: *ел* – страна, *енде* – живое существо. *Енде* – это «терендеу бойлау; өркендеу, даму. өсу».

В хеттской клинописи знак «Е» означал «дом, большая семья; община; единица, действие». В русском языке понятие *ел* означает мир – община, объединитель людей в социальную структуру, семья; община – *загруга*.

В Ирландии в кетском племени семейная община носила название *Sept*, которое созвучно с казахским словом *септе* – взаимопомощь (көмек, жәрдемдесу). Раньше казахи свое государственное образование именовали как *Ел-күн* (букв. Мир-солнце). Абаю в ту пору был

тринадцать лет, и он в основном общался со своими сородичами, жил в своем мире. Он еще был сыном своего отца, племени.

Писатель ясно и четко пишет, что Абай слушал сказания бывалых сарытоқым ұры из своего рода, племени. Вновь приведем отрывок из оригинала: «Ондай ұрылар жайында Абайдың естіген әңгімелері соншалық көп. Кейде, тіпті сарытоқым ұры болған – ел ішіндегі үлкендердің өз аузынан естіген әңгімелері де ұмытылмайтын».

Абай был слушателем. Внимательным слушателем. Писатель дважды отмечает эту природную способность Абая. Ведь еще до эпизода с игрой в разбойники писатель обращает внимание читателя на этот дар юного Абая, слушавшего байку Байтаса о его летних похождениях: «Естіген әңгімесінің бәрін еңсесімен ыптыға тыңдайтын бала» (буквально, «Бала, слушающий все слова со всей страстью души, все сердцем, весь превращался в слух»). М.О.Ауэзов показывает главную черту Абая – внимательность, заинтересованность дойти до сути во всем.

Писатель знал, о чём писал, – в последующем во взрослой жизни праввед Абай будет бороться с таким социальным пороком, как воровство.

Поэт Абай будет заниматься воспитанием слушателя – вдумчивого человека, понимающего и рассуждающего. Вся его поэзия и проза посвящена этой теме: слушать природу, человека, для того чтобы быть услышанным.

Пользуясь случаем, мы приведем лишь малую толику из высказываний Абая об умении слушать: «Слушать сердцем, а не ушами. Смышленный слушатель. Слово зазвучало правильно, и ты, слушатель, будь праведен. В толпе людей редко найдется человек, понимающий слово, в таких местах не глаголю, не будь посмешищем. В обывательской среде отсутствует внимание к слову. У них нет желание понять суть вещей, им важно лишь трескотня. У внимающего слову – душа цветет. Кто прислушается к голосу разума, кто услышит слова назидания?»

Как Абай писал, умение слушать следует воспитывать с детства, привычку слушать необходимо прививать с колыбели. Колыбельная песня матери, рассказы бабушки, няни – вот первые незаменимые школы воспитания умения выслушивать людей.

Наш предложение переводить слова «бала шәкірт» как юный воспитанник, на наш взгляд, является правильным выбором, и этот вариант перевода более точно передает мысль писателя. Абай – воспитанник, воспитанник отца.

Именно слово *воспитанник* использует и Л.Толстой в романе «Война и мир» для сына князя Василия Курагина, когда тот представил своего сына старшему Балконскому.

О значении воспитания Л.Толстой говорит устами Пьера Безухова, вернувшегося с плена домой в Москву. После ухода войск Наполеона из Москвы мародерство продолжилось, теперь им занялись сами жители города и его окраин. Жизнь в столице постепенно стала налаживаться, власть наводила порядок, похищенные вещи свозили в одну место для нахождения собственников: «В этот же день к Пьеру приехал

полицеймейстер с предложением прислать доверенного в Гранитовую палату для приема вещей, раздаваемых нынче владельцам.

«Вот и этот тоже, – думал Пьер, глядя в лицо полицеймейстера, – какой славный, красивый офицер и как добр! Теперь занимается такими пустяками. А еще говорят, что он не честен и пользуется. Какой вздор! А впрочем, отчего же ему и не пользоваться? **Он так и воспитан. И все так делают.** А такое приятное, доброе лицо. И улыбается, глядя на меня.»

Выделенные нами слова выражают, на наш взгляд, одну из главных идей романа. Вот как пишет Л.Толстой в статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир»: «Есть характер того времени (как и характер каждой эпохи), вытекающий из большей отчужденности высшего круга от других сословий, из царствовавшей философии, из особенностей воспитания, из привычки употреблять французский язык и т.п. И этот характер и старался, сколько сумел, выразить».

А каков характер нашего времени, не обнаруживаем ли мы сходства с временем Пьера, быть может, мы невольно ощущаем «отсутствие характера» переживаемого нами времени? Какими нас воспитывает наше время? Слышим ли мы друг друга? Каждый имеет право быть выслушанным в суде. Жизнь – единственный суд.

Путь Абая начинался с умения слушать, быть внимательным. и через эту призму видеть мир.

Вдумчивый читатель, наверное, обратил внимание на то обстоятельство, что писатель уделил много времени описанию третьего дня пути наших героев из города в аул. Это неудивительно, ведь путь – это дорога, изобилующая опасностями, и путь есть преодоление.

Три всадника три дня пути преодолевали на трех конях, принадлежащих Кунанбаю. Байтас, родственник Абая, приехавший за ним в город, восседал на черногривом седом скакуне Кунанбая, этот конь претендовал на призы в скачках. Под Жумабаем резвился высокий белосиний конь по кличке Найман көк, также принадлежащий Кунанбаю. Абай мчался на пятiletнем буланном коне с белой вывездью на лбе, присланному ему отцом Кунанбаем.

Как видно из романа, имя Кунанбая во время третьего дня пути до приезда в аул прозвучало 6 раз, а имя Абая автором первый раз будет озвучено лишь после троекратного упоминания имени его отца. Роман писателя назван «Путь Абая», а роман начинается с имени его отца Кунабая.

Байтас и Жумабай, два спутника бала-шәкірт, следуют с ним не только по заданию Кунанбая, но и выполняют определенную задачу, поставленную перед ними автором романа.

Например, образ Байтаса, которого с упоением слушал бала-шәкірт, служил для раскрытия характера будущего поэта. Абай слушал Байтаса с интересом. Байтас – степной рыцарь, певец, видный мужчина все лето провел вдали от дома, жены. Пел, гулял, пировал в степи, развлекался с красавицами, вел жизнь вольную, интересную. А когда подошла пора возвращаться домой, сочинил четверостишие с мольбой о прощении и отправил весточкой в аул жене. Та простила мужа, и сама вышла его встречать. Юноша Абай в своем уме представлял всю эту картину, описанную Байтасом. Рассказ последнего был настолько интересен, что один старик и один бала смотрели на него с нескрываемой завистью и восхищением.

Байтас – родственник Абая по линии отца, его отец Жакып родился от младшей жены Ускенбая, отца Кунанбая. Абай был знаком с женой Байтаса Ойке апа и, выслушав речь Байтаса, промолчал, сам же в душе подумал: «Обманул Байтас Ойке апу».

Как видим, через образ Байтаса автор показал, какой живой искренний интерес проявлял бала-шәкірт к словам других. Он внимательно слушал Байтаса и в то же время делал свои выводы, что свидетельствует об аналитическом складе ума.

Образ Жумабая способствовал автору раскрыть и иную черту характера бала-шәкірт. Тот случай розыгрыша Абаем двух взрослых задел Жумабая, он не желал быть посмешищем, поэтому события, в котором они с Байтасом оказались в глупом положении, постарался перевести в игру. По прежним наблюдениям Абая следовало, что Жумабай пользовался уважением у Кунанбая и, если тот рассердится на Абая и придет в аул обиженным, то непременно обратится с жалобой, в первую очередь, отцу.

Взвесив все это, Абай прекратил смех и, подъехав к Жумабаю, заверил того, что «это была всего лишь игра, не обессудьте. Дорога долгая, решил развеять сон». Тут он выглядел уж очень учтиво.

Такое поведение Абая показывает, что, хоть он и допустил ребячью шалость, однако помнил и о возможности сурового отцовского осуждения его поведения по отношению к взрослым.

Абай поступил разумно, разрешил ситуацию миром, всем видом и словами проявив уважение к старшим, оправдываясь за свое поведение и показывая свое раскаяние. В этом была школа воспитания отца, ведь не даром Жумабай характеризовал его как *бәрінің бәлтірігі*. Под *бәрі* Жумабай подразумевал Кунанбая. Перевод этого слова как «волк» не точно соответствует понятию «бәрі» в казахском мировосприятии.

Казахи называют волков, собак собирательно *ит-құс*, волка – *ұлыма*. Своего рода, это табу. Однако слово *ұлыма* находит свое отражение в скандинавском слове *ульв* – волк. В «Песне о Вёлунде» есть наименование *Ульвдалир* – волчья долина: *Ульв* – волк. Схожее имя можно увидеть и в «Слове о полку Игореве», где упоминается одно из тюркских племен *ольберы*, то есть «ел *бәрі*». Наряду с *ел бәрі* в тюркском языке существует и *ақ бәрі*, *көк бәрі*. Слова *көк* и *бәрі* – символы неба. *Көк бәрі* также является сакральным, метофорическим символом.

Древние тюрки обращались за защитой и помощью к небу. В зламском языке существует слово *кик* – защита. В аккадском языке *bagi* – исследующий, объясняющий, в албанском языке *birre* – человек.

Казахский поэт Сүйінбай Аронұлы (1822- 1895) восклицал: «Бәрі басы – ұраным, Бәрілі менің байрағым. Бәрілі байрақ көтерсе, Қозыш кетер қайдағым». В стихах поэта «Бәрілі байрақ» – это знамя с изображением головы волка.

В древневерхнемецком слово *korunga* означает «испытание», где – *unga-* суффикс. Хоруг – знамя, также это знак защиты и покровительства.

С точки зрения лингвиста В.Я. Марра, «кавказский термин «*gog* – *gug- do-g < > gu- g* есть тотем волк – *көк бәрі*. *Бәрі*, *бор*, *бер*» на многих языках означает и «небо, круг». *Көк бәрі* – синее небо: *көк* – небо, *бәрі* – небо. *go-g <> gu -g* перешел *go -d <> gu- d*: «бог» в значении «защита, защитник». Поэтому, быть может, слово *Қорық*, где у путников на второй день был привал, имеет значение «защита», ведь под покровом деревьев они нашли свой ночной приют.

Всем известно, что волк по природе серый – *сүр*. В древности советника хана именовали *сұрқылтай*, этот термин очень напоминает термин шумеров *сүрру* – жрец, вещей.

Как видно, слово *волк*, к сожалению, не может передать полностью то значение, которое имеют слова *бәрі* и *көк бәрі*. Возможно, здесь более уместно слово *бирюк* – «волк; нелюдимый», заимствованное из древнетюркского языка: «*бәрі*»

Слово «*бәрі*» в положительном смысле применял в своих стихах и сам Абай, герой нашего романа.

Абаю не раз приходилось отстаивать свое честное имя от разной клеветы, и он своих недоброжелателей сравнивает со «сворой собак», которым не суждено одолеть «человека», сильного правдой,

находящегося под защитой всевышнего: «Кыжыртпай мені сыртан жүре алмайды, Кім желігіп, қай шеттен қағынса да. Күшік ит бөрі ала ма жабылса да? Төңрі сақтар, табандап тап ұрса да.»

Абай существительное «бөрі» применяет в качестве символа, характеризующего честного человека, ведущего правильный образ жизни.

В романе М.Ауэзов нарекает Кунанбая именем бөрі именно в положительном смысле, подчеркивая уже в начале романа его особую роль в эпосе.

Кстати, М.Ауэзов в своем раннем рассказе «Барымта», написанного в 1925 году, применяет эпитет көк бөрі в отношении конокрадов Қонақая и Жоламана: «Бұлар талайды зар қақсатқан жайлаудың қасқырындай ұрының көк бөрісі» - «Они (Конакай и Жоламан) были «көк бөрі» среди воров, словно степные волки, причинившие многим вред.»

Понятие көк бөрі как символ связи человека и космоса сохраняется и в современной казахской поэзии. Так, казахский национальный поэт Серік Ақсұңқарұлы пишет: «Мен ұлыған көк бөрісі даламның, ұлымауға амалым жоқ амалым». Эти строки на русском языке звучат «Я есть защитник родной степи. Мой вой вечен, как вечен бой за жизнь.»

Көк бөрі – ангел-хранитель степи, небесный хранитель. Его волчий вой словно молитва, связующая нас с со Всевышним. Его вой – молитва- зов к борьбе за право на жизнь. В нем нет вопроса «Быть или не быть», только Быть. Мы – есть. В этом весь смысл көк бөрі.

Мы уже отмечали, что казахи называют волков, собак собирательно *ит- құс*. В древнегерманской мифологии чудовищный волк называется «псом – СУ», волчий бог войны, которому в жертву приносили собак.

У казахов гончих собак, борзых называют *құмай*. В хеттском языке *Ки-т(а)і* обозначает «чистый». Слово *құмай* казахи также относят к скакунам, резвым, скоростным коням, к тем, которые были под седлом наших трех путников.

Три всадника скакали без остановки с самого рассвета, начиная с последнего привала в Қорыке, и еще до наступления вечерних сумерек они на взмыленных конях примчались к ручью Көлқайнар в аул Кунанбая, в аул Улжан – родной матери Абая.

Последний день пути был преодолен, и путники достигли цели, прибыли в аул. Улжан с момента отъезда Байтаса считала дни и ожидала приезд Абая в аул именно в этот день. Не только мать Абая, но и отец ждал его сегодня. Кунанбай, посылая Байтаса и Жумабая в город со своими поручениями, заранее рассчитал время их возвращения и запланировал ряд неотложных дел на вечер этого дня.

Путники приближаясь к роднику Көкқайнар, направили своих коней к аулу, наиболее близко расположившемуся рядом с родником. В центре возвышались пять больших белых юрт и там, между большой юртой и поставленной с её восточной стороны гостевой юртой уже собирились люди, узнавшие в трех всадниках своих сородичей. Абай среди толпы первым приметил свою мать и направился было к ней, однако она издали окликнула его и предупредила: «Дитя мое, оглянись - там стоит твой отец. Поприветствуй его первым». Только обернувшись, Абай заметил, что неподалеку за гостевой юртой в окружении двух-

трех взрослых стоял отец Кунаубай. Он понял холодную сдержанность матери и быстро повернул в сторону отца.

Его товарищи-путники Байтас и Жумабай также спешили, сойдя с коней, шли к седобородому крупного телосложения с серокаменным лицом Кунаубаю, взгляд его единственного глаза вовсе не был обращен на них. С запада шли четыре-пять путников на лошадях. Возможно они держали путь с Кыдыра. Все были полнотелые важные люди. Казалось это были те, которых Кунаубай сегодня ожидал специально. Он глядел на них.

Кунаубай намеренно назначил этим уважаемым людям встречу именно на сегодняшний вечер, в день возвращения Абая в аул. Мы, далее читая роман, узнаем, с какой целью Кунаубай назначил встречу путникам, идущим с запада, а сейчас обратимся к источникам, из которых мы почерпнем сведения о Кунаубае, об одном из главных героев романа.

По данным энциклопедии «Абай» отец поэта Кунаубай родился в 1804 году в семье Ускенбая, знаменитого бия рода Тобыкты. В 1824 году вступает в силу указ русского царя об управлении Сибирскими киргизами, как именовали тогда казахов, вводится новый административный порядок правления в степи. Ускенбай поступает на службу и получает чин старшины. Кунаубай происходил от его первой жены и был старшим сыном, от последующих четырех жен Оскенбай имел 9 сыновей.

Достигнув средних лет, Ускенбай передает свои полномочия Кунаубаю, последний становится главой рода, затем к 1840 году назначается волостным управителем. На этой должности застаёт его выехавшая из Омска царская экспедиция для принятия Большой Орды в подданство России, в составе которого находился Адольф Янушкевич, сыльный поляк, революционер, осужденный за выступление против царя в 1831 году.

А. Янушкевич во время экспедиции вел дневник и писал письма в Польшу о своих наблюдениях. В 1861 году в Париже будет издана книга «Письма и дневники из путешествия по киргизским степям», в 1966 году она будет издана на русском языке в переводе Ф. Стекловой.

Вот, что писал А. Янушкевич 11 июня 1846 года о Кунаубае в своем письме из города Аягуза своему другу Густаву Зелинскому в Польшу: «Немногом старше султана Барака бий Кунаубай, это тоже большая знаменитость в степи. Сын простого киргиза, одаренный природой здравым рассудком, удивительной памятью и даром речи, дельный, заботливый о благе своих соплеменников, большой знаток степного права и предписаний алкорана, прекрасно знающий все российские уставы, касающиеся киргизов, судья неподкупной честности и примерный мусульманин, плебей Кунаубай стяжал славу пророка, к которому из самых дальних аулов спешат за советом молодые и старые, бедные и богатые.

Облеченный доверием сильного рода тобыкты, избранный на должность волостного управителя, исполняет ее с редкостным умением и энергией, а каждое его приказание, каждое слово выполняется по кивку головой.

Когда-то он был красивым мужчиной, нынче на его лице следы оспы, чуть не унесший его в могилу, как Мирабо; во время вдохновенной речи он заставляет слушателей забыть о своем страшном обезображенном лице. Эти жестокие последствия страшной болезни всякий раз пробуждают в нем сладкие воспоминания о сочувствии земляков, которые могут дать тебе доказательства его заслуг и значения.

- Толпы людей в отчаянии, - говорил он мне с волнением и гордостью, - днем и ночью окружали мою юрту, где среди невыносимых мук я боролся со смертью. Их слезы залили огонь, пожиривший меня, и вымолили у Аллаха возвращения меня к жизни.

Не таким ли сочувствием в одной из самых стран Европы окружал народ последние минуты умирающего трибуна, что, как и Кунанбай, был его щитом против несправедливости и насилия богатых; этот народ, что оказался менее счастливым, чем нецивилизованный, не сумев выплакать у бога жизни для своего защитника, в порыве благодарности создал для умершего Пантеон.

С дюжины султанов и полдюжата мурз были нынче у нас на чаепитии. Обо все этой родовой владетельной аристократии можно сказать словами нашей польской поговорки: «Стоит дворец Паца, в Пац - дворца». Белая кость (султаны) рядом с Бараком кажется скорее серой, чем белой, а все баи (богачи) недостойны развязать ремешок на обуви Кунанбая».

В письме А.Янушкевича дана более чем подробная характеристика личности Кунанбая. Данные о статусе Кунанбая имеют значение и для нас при дальнейшем чтении романа.

В 1846 году Кунанбаю – 42 года, он был избран волостным управителем, также оставался в звании бия, степного судьи.

Знание степного права и предписаний алкорана, российского устава, касающегося киргизов, однозначно характеризовало его как образованного человека.

Поляк А.Янушкевич знал казахский, а и из его письма можно сделать вывод о том, что Кунанбай владел русским языком.

«Разумность, энергичность, деловитость, оратор с великолепной памятью. Справедлив, честен, обладающий непрерываемым авторитетом и уважением, подобен пророку», - так писал А.Янушкевич о Кунанбае, но его дневниковые записи не были доступны Абаю, родившемуся в 1845 году. Однако в его стихах, написанных им уже после смерти отца, имеется абсолютно идентичное описание Кунанбая, имеющееся у А.Янушкевича.

Вот такая личность Кунанбая, который в романе через 13 лет после встречи с А.Янушкевичем в 1859 году встречает сына Абая, приехавшего с восточной стороны аула, и гостей, идущих с запада.

Кунанбай, в ожиданий гостей, быстро взглянув на сына, заметил, «что он вырос и возмужал за прошедший год и спросил, стал ли он муллой, выросли его знания как его рост».

Абай, словно старый пастух, следящий в ненастную зиму за погодой, сколько себя помнит, рос, наблюдая за нравом отца, и знал его характер.

И отец ценил в нем эту чуткость, его пронизательную

наблюдательность, более развитую, чем у других его детей. Отец не прощал смущенности и оставление без ответа его вопроса. Эта черта характера Абаю была известна, и он спокойно, со смиренным видом по-взрослому промолвил заранее подготовленный им в пути ответ: «Слава богу, отец. Вы прислали за мной, учеба не завершилась, но, получив разрешение и благословение хазрета, вернулся». Выслушав ответ сына, Кунабай отослал Абая в сторону матерей, ожидавших его с волнением у большой юрты.

Современник М.Ауэзова казахский писатель советского периода С.Муканов первым еще в 1932 году в своей работе «Казахская литература XX века» отметил его особый писательский дар в создании образов своих героев.

С.Муканов называл Ауэзова мастером в создании образов. Он отмечал, что наряду с красотой языка М.Ауэзов ясно и четко описывает внешний характер действий своих героев и их внутренней душевный мир.

Во всех произведениях его герои не скрывают своего социального происхождения, классовости. Они (образы) динамичны и раскрываются во всей полноте.

С.Муканов писал, что М.Ауэзов, если брать его поэтическую и писательскую силу, могучий писатель. Он не скрывает свою классовую ненависть, говорит об этом открыто, и это его наилучшая черта.

Авторитетное мнение С.Муканова демонстрирует, что автор романа «Путь Абая» еще в начале XX века вступил в мир литературы как истинный художник и мастер, национальный писатель. Благодаря гению М.Ауэзова мы, читая роман, несмотря на дистанцию разделяющего нас времени слышим, видим, чувствуем, как живет и действует Кунабай - отец и воспитатель Абая.